

И.Г. Яковенко

*доктор философских наук,
профессор кафедры истории и теории культуры
Отделения социокультурных исследований РГГУ
igjack@yandex.ru*

О ПРИРОДЕ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье обосновывается понятие ментальности как ключевое для психологии культуры и для анализа глубинных структур культуры. Доказывается, что ментальность не может быть сведена ни к паттернам биологического поведения, ни к глубинным процессам сознания культуры. Ментальность – это метаязык культуры и необходимая часть культурной интеграции и движения культуры от простого к сложному. Поэтому ментальность не должна учитываться только как элемент межкультурного диалога или совокупность тенденций развития культуры, но изучаться как наиболее личный момент культуры. Ментальность – основание присутствия личности в культуре и одновременно единственный способ пережить культуру как глубоко личный факт сознания. Таким образом, понятие ментальности должно быть переосмыслено исходя из недопустимости редукционизма в современном знании о культуре и с учетом новейших достижений психологического изучения изменений ментальности. В статье доказана и обоснована модель ментальности, способная объяснить устойчивость и изменчивость культурных процессов на разных уровнях.

Ключевые слова: ментальность, глубинная психология, массовая психология, инстинкт, строение культуры, психология культуры

The article substantiates the concept of mentality as a key for the psychology of culture and for the analysis of deep cultural structures. It is proved that the mentality can not be reduced to either the patterns of biological behavior or to the deep processes of cultural consciousness. Mentality is a meta-language of culture and an essential part of cultural integration and the movement of culture from simple to complex. Therefore, mentality should not be taken into account only as an element of intercultural dialogue or a set of tendencies in the development of culture, but be studied as the most personal moment of culture. Mentality is the basis for the presence of personality in culture and at the same time the only way to experience culture as deeply personal fact of consciousness. Thus, the concept of mentality should be rethought on the basis of inadmissibility of reductionism in today knowledge on culture taking into account the latest achievements of psychological study of changes in mentality. The article proves and justifies the mentality model that can explain the stability and variability of cultural processes at different levels.

Keywords: mentality, deep psychology, mass psychology, instinct, structure of culture, psychology of culture

История вопроса

Понятие ментальности заявляется в первой половине прошлого века. В работах Леви-Брюля, посвященных исследованию первобытного мышления, автор приходит к выводу о качественной дистанции первобытного мышления и логического мышления человека, принадлежащего современной цивилизации. Автор назвал мышление исследуемых им первобытных племен термином «менталитет». Исследования Леви-Брюля актуализуют проблематику историко-культурной обусловленности сознания и поведения человека.

Создатель аналитической психологии К.Г. Юнг видел задачу аналитической психологии в трактовке архетипических образов, возникающих у пациентов. Источник этих образов Юнг видел в коллективном бессознательном. Коллективное бессознательное – единая для общества структура, являющаяся продуктом наследуемых структур мозга.

В 50-е годы получают широкую известность работы К. Леви-Стросса, заявлявшего программу структурной антропологии, выявлявшей структурные элементы, совокупность которых составляет

бессознательные структуры человеческого разума. Леви-Стросс считал, что мифологическое сознание адекватно отражает «анатомию ума».

В 60-е годы XX века интерес к исследованиям ментальности демонстрирует школа «Анналов». Вот что пишет об обусловленности этого А.Я. Гуревич: «Интерес историков к ментальностям укрепился в связи с перемещением центра тяжести в исследовании от истории «героев», правителей, государственных деятелей, мыслителей к истории повседневной жизни разных социальных слоев и групп, рядовых людей, общества в целом. При этом оказалось невозможным довольствоваться изучением идеологий: ведь это достояние культурной или правящей элиты доходило до сознания простолюдинов, масс в трансформированном виде» [Гуревич, 1989, с. 81].

Итак, с начала прошлого века складывается сумма идей и подходов, которые озабочены познанием интимных механизмов человеческого мышления и переживания мира и обращены к исследованию того широчайшего пласта человеческой реальности, который не покрывается официальными идеологическими доктринами. Вторая особенность исследуемого направления состоит в особом интересе к стадильно и качественно иному (иному относительно исследователя – архаическому, традиционному, народному). Соотнося реалии «нашего» мира и отличные от этого миры, исследователи стремятся пробиться к универсальным механизмам социальности и культуры, а также продвинуться к пониманию механизмов человеческой психики. На этом пересечении и складывается традиция исследования ментальности.

В нашей стране проблематика ментальности в разных аспектах рассматривается в работах историков, философов, культурологов и психологов: А.Я. Гуревича, А.С. Панарина, Г.Д. Гачева, Л.М. Баткина, А.Я. Ястребицкой и других авторов. Особого упоминания заслуживает научная традиция исследования истории и культуры повседневности; здесь надо назвать А.Я.Гуревича, Г.С.Кнабе, Ю.М.Лотмана. В этих работах присутствует исследование внутреннего, ментального плана повседневности.

Авторы, работающие с данным понятием, часто указывают на сложноуловимость исследуемого феномена. Этому служит и бесконечно сложная, познанная лишь частично природа человека, и природа культуры, и природа общества, которые не менее сложны и многозначны.

Авторы словарной статьи в отечественном энциклопедическом издании пишут очень осторожно, определяя ментальность как «общую духовную настроенность, относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков духа», и далее: «Ментальность – то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное обнаружение» [Гуревич, Шульман, 1998, с. 25].

В приведенных характеристиках зафиксирован важный момент: ментальность *не равна* наблюдаемым и осязаемым феноменам – навыкам осознания, мыслительным схемам, образным комплексам – это лишь ее экспликации, формы обнаружения ментальности. Сама ментальность лежит глубже, и «ухватить» ее не представляется возможным.

Ментальность как глубинная область сознания

Прежде всего, ментальность относится к сфере не осознаваемых людьми представлений и соответствующим им нормам поведения. Исследователи говорят о подсознании общества, которое властно определяет его жизнь, и пишут о важных тайных пружинах его жизнедеятельности. Надо отметить, что когда в этом смысле говорят об обществе, в виду имеется социо-культурное целое, то есть единство общества и культуры. В свете этого соображения можно говорить о тайных пружинах культуры. Антропологи отдают себе отчет в том, что между тем, что любое общество заявляет о себе и реальностью этого общества существует неистребимая дистанция. Культура постоянно и многообразно *манипулирует* человеком. Прежде всего, культура берет на себя функцию имяназывания; тем самым она дает имена и дробит универсум, каталогизирует его, наделяя

отдельные сущности конкретной интерпретацией и ценностным статусом. А это – исходная позиция человеческого сознания, которая задает и строй мыслей, и результаты размышлений, и стратегию человеческих действий. Достаточно задаться вопросом, «что такое кровная месть» – священный долг рода, в котором убили кровного родственника, или позорное наследие архаики, отвратительное и требующее преодоления? Кроме того, культура диктует, что важно и актуально, а что – второстепенно и не заслуживает внимания серьезного человека, табуирует к осознанию и называнию целые сферы бытия, диктует реестр приемлемых дискурсов, задает позитивное восприятие «нашего» универсума, продуцирует фобии относительно любых альтернатив и т.д.

Иными словами, само пространство человеческой реальности многослойно и неоднозначно. Человек, рожденный и существующий в некоторой культуре, переживает присущий ему строй мыслей и чувств и вырастающий из этого образ действий как глубоко личное достояние, как прирожденные особенности. Однако эти материи *запрограммированы* врожденной (усвоенной с молоком матери) культурой, а также врожденными, биологически заданными инстинктами, фобиями и предпочтениями.

Ментальность, безусловно, существует, но сформулировать это явление, «схватить» его в понятиях чрезвычайно сложно. В пределе, не возможно. Посмотрим как характеризуют ментальность признанные авторитеты. Науковед Ульрих Раульф указывает на то, что историки работают с категориями мышления, нормами поведения и сферой чувств. Ментальность же «находится глубже этих форм, это нечто еще не структурированное, некая предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным образом, область возможного для него» [Raulf, 1978]. Перед нами метаструктура, метаязык человеческого переживания бытия, в котором нераздельно слито познание, переживание и отношение ко всему на свете.

Медиевист Франтишек Граус считает что, в отличии от мнений, учений и идеологий, собственный менталитет «никогда не может быть отрефлексирован и сформулирован» [Левинсон, 1996, с. 80]. Это точка зрения заслуживает внимания и продуцирует размышления о природе особой категории сущностей, которые не поддаются рефлексии.

Ментальность как работа сознания

Начнем с того, что существует класс феноменов, существенные характеристики которых отчетливо схватывает наше сознание, однако они ускользают от определения. Если мы, в качестве примера, обратимся к стилю «модерн», то обнаружим не только в справочных изданиях, но и в монографиях: сведения о возникновении, данные о важных признаках, перечисления наиболее заметных произведений. С точки зрения логики это – указания, описания и характеристики. Что же касается определений модерна, то они выглядят частичными и бедными, не схватывающими все богатство стиля и слабо различающими модерн с другими художественными стилями. Так в качестве наиболее заметных особенностей модерна приводят отказ от прямых углов и линий в пользу более плавных и изогнутых. Однако характеризуя архитектуру барокко, специалисты говорят о «слитности, текучести сложных, обычно криволинейных форм». При этом человек, погруженный в историю искусства, мгновенно определяет принадлежность или не принадлежность того или иного артефакта данному стилю.

Иными словами, накопив массив образов конкретных феноменов, наше сознание автоматически выделяет значимые характеристики стиля модерн, которые позволяют ему симультанно, в автоматическом режиме решать вопрос о принадлежности того или иного феномена к данному множеству. А теоретическое схватывание этого крайне затруднено, работает в наиболее явных случаях, где значимые признаки собраны воедино и четко выражены.

Программирование поведения живых существ, задаваемое системой инстинктов, требует формулировки квалифицирующих и обобщающих суждений, типа «Это – нечто обладающее набором следующих признаков – смертельно опасно». Мы не знаем, как это достигается в живой природе. Но в психику птиц и животных заложены обобщающие образы опасного (внешний вид, запах, поведение). Эти образы можно назвать архетипами смертельной опасности.

Между прочим, художники-мультипликаторы, казалось бы, далекие от размышлений о законах программирования в живой природе, создают и работают с архетипическими образами смертельной опасности, созерцания которых требует психика малых детей. Детям надо узнавать архетипический образ хищника (страшного волка), пугаться его и радоваться вместе с героями фильма спасению от смертельной опасности. Художник извлекает этот образ из собственного сознания и предъявляет его зрителю.

Важно подчеркнуть, что речь идет об *обобщающем образе*: хищная птица, хищный зверь, змея. Эксперименты показали, когда над курицей с выводком птенцов протягивают на проводе чучело коршуна, она квохчет, а цыплята сбегаются и прячутся под крылья. Можно предположить, что в блоке инстинктов мелкой птицы заложен образ коршуна. Однако, помимо коршунов, малой живностью питаются ястребы, орланы, беркуты, соколы, совы и другие хищные птицы. Объемы «жесткого диска» любого живого существа очевидным образом конечны. Проблема охвата многообразия решается на путях создания *обобщающего образа*. Общность рода деятельности хищных птиц задает общие характеристики анатомии – форма клюва, пропорции, строение тела, оперение, когти, и т.д. А также характеристики рода деятельности – бесшумный полет, способность пикировать, мгновенно хватать добычу.

Курица не может рассказать ни нам с вами, ни цыплятам, как выглядит обобщающий образ хищной птицы. Этот образ записан в блоке инстинктов, и предъявление его рождает адаптивную реакцию: мгновенную мобилизацию и соответствующее поведение. Нам представляется, что ментальность работает таким же образом. Она формирует набор обобщающих образов и задает требуемую программу поведения.

Способность обобщать и выделять значимые характеристики конкретного множества – важная и остро актуальная функция сознания. Причем, эта компетенция сложилась в ходе эволюции задолго до антропогенеза. Обратим наше внимание на то, что все съедобные растения и животные небольшого размера, составляющие потенциальную кормовую базу птиц и хищных животных, используют стратегию маскировки «под местность». Окраска, геометрия, застывание в случае приближения хищника – все это покрывается понятием маскировка. Напротив, все ядовитое вызывающе яркое и декоративно. Это касается как растений, так и животных: ярко декорированный мухомор и завораживающе красивые змеи предупреждают – осторожно, смертельная опасность. И птицы, и звери (за вычетом тех, кто эволюционно приспособился к охоте на ядовитых) прекрасно различают съедобных и не съедобных ядовитых. Это знание содержится в их головах, хотя и не обретает формулировок и не относится к осознанному. Ментальность – явление из того же ряда. Способность каталогизировать, относить к тому или иному множеству (и в зависимости от этого формировать адекватное поведение) конкретные феномены, попадающие в поле зрения – одна из базовых особенностей познания, обеспечивающая выживание носителя этого сознания. Ментальность вырастает из этих процессов.

Ментальность как метаязык культуры

Зафиксируем, существуют две большие категории человеческих компетенций:

- а) Освоенные, активно используемые, но не осознанные, не формализованные;
- б) Осознанные и формализованные.

Разговорный язык существует с момента антропо- и культурогенеза. По своей природе это закономерный феномен. Существуют законы, оформляющие и структурирующие тексты, создаваемые с помощью языка. По мере эволюционного развития шло развитие языка и мышления. Развивалась и усложнялась структура языков. При этом люди не осознавали и не формулировали его закономерностей. Они целиком относились к классу не эксплицированного, не осознанного основания базовой практики общения. С формулированием законов логики и философских оснований теории познания возникают теоретические предпосылки познания процессов мышления и исследования языка. В эпоху греко-римской античности складывается лингвистика как

самостоятельная научная дисциплина. Лингвистика создала принципиальную возможность эксплицировать законы, в соответствии с которыми вид homo последние двести тысяч лет выстраивал устную, а позже письменную коммуникацию.

Важно подчеркнуть, что до логики и лингвистики практика коммуникации требовала такого соотношения сигнала и шума в каждом высказывании, которое позволяло адресату адекватно воспринимать и интерпретировать сообщение. В неисчислимых актах речевой практики отсеивались как неудачные и не соответствующие задачам коммуникации ошибочные конструкции. В результате практики речевого общения формируется и оттачивается владение нормами актуального языка, притом, что законы, по которым работает этот язык, не познаны и не сформулированы.

Перед нами базовая, исторически первичная форма освоения какой-либо компетенции. Подавляющее большинство населения земного шара не знает, либо не задумывается о базовых законах физики (законе инерции, законе всемирного тяготения, понятии «центр тяжести» и др.), однако, все люди более или менее успешно ходят и бегают, стараясь не падать, и соблюдают требования, вытекающие из перечисленных выше законов.

Ментальность – метаязык культуры. Она задает как формы переживания и мышления, так и формирует действия человека, *которые вытекают* из осознания и переживания. Этот метаязык усваивается в ходе *инсталляции культуры и сознания*. Названный процесс разворачивается от момента рождения и завершается с переходом в категорию взрослых людей (условно, завершается обрядом возрастной инициации подростков) [Яковенко, 2013].

Процессы инсталляции базируются на древнейших механизмах копирования, уподобления, магического вживания или инстинктивного включения в ситуацию, бессознательного повторения. То есть, *все эти процессы происходят инстинктивно, до осознания и мимо осознания*. В ходе этой работы формирующаяся человеческая психика разворачивает вычленение закономерные основания, задающих адекватное поведение, адекватное переживание и адекватное действие, и, наконец, адекватную коммуникацию. Самый явный, очевидный пласт данного континуума эксплицируется в ритуалах, табу, обычаях, сформулированных нормах и ценностях. При этом неизмеримо более мощный пласт остается за рамками нашего сознания.

Какие-то вещи проговариваются старшими, жрецами, учителями, но большая часть падает на нерелексируемую работу человеческой психики. Более того, нравоучения и декларации могут находиться в конфликте с реальными закономерностями актуальной культуры, и тогда растущий человек усваивает, что жить надо по правилам житейской практики, но при этом декларировать суждения, расходящиеся с законами реальной жизни.

Ближайшим аналогом инсталляции ментальности выступает усвоение ребенком речевой практики. Мозг грудного ребенка неустанно работает над речевым потоком – дробит его на отдельные элементы, запоминает интонацию своих близких, усваивает смысл отдельных слов и т.д. Однажды наступает момент, когда ребенок еще не может говорить, но уже понимает обращенное к нему высказывание. И, наконец, ребенок заговорил. Дальше разворачивается длительный процесс оттачивания речи, правильного произношения, преодоления ошибок, обогащения словаря.

Будем помнить, что академически отстраненное познание – позднее явление. Исходно и познание, и оценка, и переживание некоторого феномена как позитивного, либо негативного не расчленены. Запах самки бодрит самца и рождает чувство комфорта. Вид и запах плода хурмы рождает позитивные эмоции и желание съесть. Любые признаки приближения другого самца рождает агрессию и потребность прогнать из «своего» пространства. Буквально, «чтобы духу его здесь не было». А появление крупного хищника в опасной близости рождает полную мобилизацию и соответствующее поведение (бежать, забираться на дерево, обороняться). Все эти действия – осознание/выбор соответствующей программы действий/поведение – оформляется эмоционально. Позитивные стимулы рожают позитивные эмоции, негативные стимулы – негативные, опасные рожают острую мобилизацию.

Ментальность как стратегия поведения в культуре

Ментальность формировалась как значимая стратегия процесса познания-оценки-переживания и выработки адекватной стратегии поведения. Для того чтобы успешно бороться за выживание, необходимо быстро и адекватно понимать окружающую тебя «картинку». По возможности симультанно интерпретировать данные перцепций. Подстраиваться внутренне под сложившуюся ситуацию и действовать.

Автор работает с тремя взаимосвязанными определениями культуры:

1. Культура – самоорганизующаяся система несводимых к биологическим механизмов, позволяющих виду «человек разумный» решать две общебиологические задачи – рост численности и расширение экологической ниши.

2. Культура – самоорганизующийся пакет над/вне- биологических программ человеческой деятельности, представленный как в идеальной форме, так и в сумме результатов этой деятельности.

3. Культура структурируется некоторыми принципами и механизмами смыслообразования и представляет собой систему всеобщих принципов смыслообразования и самих продуктов процесса смыслогенеза. Принципы смыслообразования и результаты этого процесса (идеальные и овеществленные) составляют пространство культуры [Яковенко, 2017, с. 15-19].

Итак, если культура понимается как самоорганизующийся пакет внебиологических программ человеческой деятельности, то *ментальность* может трактоваться как *специфический блок культуры, отвечающий за структурирование этого пакета, решающий задачи выбора и комбинирования конкретных программ в заданных ситуациях, а также содержащий язык программирования, на котором составлены все наличные программы, и могут быть написаны программы новые*. Этот блок вырабатывается в ходе процессов культурогенеза и относится к области базовых оснований, структурирующих и оформляющих частные программы, а также взаимоувязывающих весь пакет в системное целое.

Возникает вопрос: если мы не в состоянии пробиться к законам формирования и функционирования ментального пространства, то, что остается исследователю. На наш взгляд, исследование ментальности типологически совпадает с исследованием систем описываемых как «стратегия черного ящика». Снимая вопрос о внутреннем строении системы, мы можем концентрироваться на наблюдаемых и устойчивых экспликациях жизнедеятельности этой системы. Исследовать те или другие устойчивые аспекты культуры, сознания и поведения людей, принадлежащих к исследуемой социокультурной целостности.

В качестве примера можно привести многолетние исследования автора, посвященные изучению ментальности российской цивилизации [Яковенко, 2017]. Результат этого исследования объективируется в понятии «культурного ядра» или «культурного кода» данной локальной цивилизации. Наша работа не притязает на формулировку универсальной методологии исследования ментальности. В других локальных цивилизациях могут быть обнаружены иные базовые экспликации ментальных структур. Универсально следующее – ментальность проявляется во всех значимых пространствах человеческой жизни. Культурное ядро любой цивилизации должно охватывать базовые характеристики социально-культурного целого.

Конкретная ментальность относится к базовым характеристикам человеческой личности. Она увязывает между собой две сущности – человека и социокультурную целостность, в которой сложился этот человек. После формирования ментальности пребывание в описанном пространстве превращается в настоятельную потребность. В этом отношении характерна стратегия существования в рассеянии. Попавшие в иную социокультурную среду носители ментальности тяготеют к консолидации. Такие феномены, как «чайна-тауны» по всему миру или Брайтон-Бич в Нью-Йорке, маркируют зоны консолидации носителей альтернативной ментальности. Общение с соотечественниками, просмотр отечественных телепрограмм, магазины, торгующие отечественными продуктами – устойчивое, статистически значимое явление, характерное для

существования в диаспоре. Причем, чем дальше дистанция между ментальными пространствами, тем настоятельнее потребность в консолидации со «своими». Для людей, живущих в диаспоре, встреча и общение с соотечественником, недавно приехавшим с родины, всегда праздник.

Подчеркнем, описанное поведение не связано со слабым освоением культуры страны пребывания. Человек может быть вполне вписан в новую реальность и социально успешен, при этом потребность погружения во врожденное ментальное пространство сохраняется.

В диаспоре исключительно интересно наблюдать межпоколенческую эволюцию. Дети иммигрантов, ментальность которых формировалась не на исторической родине, а в стране пребывания, неуволимо, но качественно отличаются от своих родителей. Они могут знать язык, ориентироваться в реалиях исторической родины, но ментально эти молодые люди принадлежат миру своей новой родины. При том, что наследуются некоторые традиции и привычки, например, элементы национальной кухни, их фундаментальная диспозиция, их душевная принадлежность – мир новообретенной родины.

Ментальность неотделима от личности ее носителя. Она эксплицируется в сумме реакций, которые естественны, органичны и покрываются высказыванием «а как же иначе». Ментальность связывает человека с врожденной ему культурой на уровне неподотчетных реакций. Все то, что представляется самоочевидным, абсолютно естественным и единственно возможным, описывает параметры родной культуры, в которую идеально входит носитель ментальности.

Любые альтернативы, объясняющие мир и диктующие иные формы поведения, неожиданны, чужды, непривычны и рожают веер реакций от удивления до активного отторжения. В то время как «свое» естественно, автоматически и не нуждается в объяснениях и обоснованиях. Это «свое» однажды было предъявлено человеку и усвоено им, но усвоено в нежном возрасте, на уровне до осознания и стало природой данного человека. «Свое» было предъявлено как норма для всех (вариант «всех наших»). В ее универсальности, всеобщести и всеохватности, а также позиционировании до всяческих вопросов и размышлений – несокрушимая сила родной культуры.

Ментальность – скелет врожденной культуры. Она допускает веер социальных вариаций (поведенческих, мировоззренческих), но это вариации в пространстве, заданном качественными и стадийными характеристиками ментальности. Находиться «внутри» ментального пространства комфортно и естественно. Столкновение с мощно представленной альтернативной ментальностью – проблематизирует внутренний мир носителя. Из этой проблемы может вырастать саморазвитие ментальности в самых разных направлениях – можно стать идеологом традиции или бойцом на фронте защиты и утверждения врожденной культуры. А можно вступить на путь развития, творческого преобразования культуры. Или свалиться в голое отрицание, которое на поверку всегда оказывается одной из версий существования в рамках врожденной традиции. С врожденной ментальностью можно находиться в разных отношениях. Ее нельзя забыть, отменить и объявить несуществующей.

Изменение ментальности

Исследователи подчеркивают, что процессы изменения ментальности относятся к наименее осознанным моментам. Как пишет Е.М.Михина: «Другая трудность – невозможность понять и описать, почему и каким образом изменяется обыденное сознание и соответствующие матрицы поведения» [Михина, 1996, с. 9].

На наш взгляд, механизм изменения ментальности заключается в процессах инсталляции. В ходе инсталляции ментальность извлекается из социокультурного пространства, в которое погружен человек. Если это пространство культурно неоднородно (эпохи трансформации социокультурного целого или жизнь бок о бок, с носителями других традиций), результат имеет шанс быть менее целостным и системным. Это создает предпосылки для изменений и развития. Когда объем диссистемных моментов доходит до критического, разворачивается трансформация ментальных

характеристик культуры. Культура – самоорганизующийся феномен. При всей тенденции к минимизации изменений (Принцип Ле Шателье – Брауна), в эпохи серьезных подвижек и трансформаций, социокультурная целостность изменяется в своих основаниях. А это ведет к тому, что ментальность следующих поколений будет неизбежно отличаться. Иными словами, изменения ментальности происходят в ходе межпоколенческой преемственности культуры.

До 30-х годов прошлого века большая часть населения нашей страны составляли сельские жители, которые воспроизводили традиционную ментальность. К 1950-60-м годам половина населения переместилась в города. Образ жизни разительно изменился, но исследователи подчеркивают сохранение базовых традиционных инстинктов. Традиционное сознание осваивало новые формы бытия. Однако далее рождаются поколения горожан, которые формируются в разительно изменившемся контексте. На общество сваливаются технологическая, социальная и информационная революции. В результате внуки и правнуки мигрантов оказываются вписаны в реальность, которая диктует иные формы ментального пространства. Так возникает возможность для значимых подвижек ментальности.

Наконец, познание собственной ментальности несет в себе момент отчуждения и дистанцирования, а для кого-то и изживания врожденного ментального пространства. То, что познано, оформлено в текстах, представляет собой отчужденную реальность, с которой можно устанавливать самые разнообразные отношения. Исходно непознанная ментальность составляет свою собственную природу, которая естественна, самоочевидна, а потому абсолютно императивна. Когда носители реакционно-романтических тенденций протестуют против мертвящего интеллектуализма, разъедающего «народную душу», они спасают устойчивую традиционную ментальность.

Завершая, отметим, что при всей неоднозначности явления и сложности работы с ментальными структурами, научный интерес к данной теме не утихает. А это означает, что настало время самопознания и этого пласта человеческой и социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А.Я. Проблема ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. I. – Москва: Наука, 1989.
2. Гуревич П.С., Шульман В.И. Ментальность, менталитет // Культурология XX век. Энциклопедия. Т. II. – Санкт-Петербург: Алетейя, Университетская книга, 1998.
3. Левинсон К.А. Ментальности в Средневековье: концепции и практика исследования. Обзор // История ментальностей: Историческая антропология. – Москва: РГГУ, 1996.
4. Михина Е.М. От составителя // История ментальностей: Историческая антропология. – Москва, РГГУ, 1996.
5. Яковенко И.Г. Трансляция ментальности: грани явления // Он же. Мир через призму культуры: Культурология и русистика. – Москва: Издательство «Знание», 2013.
6. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. Издание третье, дополненное. – Москва: Издательство «Знание», 2017.
7. Raulf, Ulrich et al. Mentalitetgeschichte: Zur Rekonstruktion geistlicher Prozesse. – Berlin, 1978.

REFERENCES

1. Gurevich A.Ja. "Problema mental'nosti v sovremennoj istoriografii" [Question on mentality in the contemporary historiography]. In *Vseobshhaja istorija: diskussii, novye podhody* [World history, discussions and new approaches]. Issue 1. Moscow, Nauka, 1989.
2. Gurevich P.S., Shul'man V.I. "Mental'nost', mentalitet" [Mentality and Mentalität] in *Kul'turologija 20 vek. Jenciklopedija* [Companion to cultural studies of the 20th century]. Vol. 2. Saint-Petersburg, Aletejja, Universitetskaja kniga, 1998.
3. Jakovenko I.G. *Poznanie Rossii: civilizacionnyj analiz* [Studying Russia: civilization-oriented analysis]. 3rd enlarged edition. Moscow, Izdatel'stvo "Znanie", 2017.

4. Jakovenko I.G. *Transljacija mental'nosti: grani javlenija* [Translation of mentality, phenomenological aspects]. In: Idem. *Mir cherez prizmu kul'tury: Kul'turologija i rossievedenie* [The world through the lens of culture, cultural studies and Russian studies]. Moscow, Izdatel'stvo "Znanie", 2013.
5. Levinson K.A. *Mental'nosti v Srednevekove: koncepcii i praktika issledovanija* [Mentalities in the Middle Ages, conceptions and practice of study]. A reference. In *Istorija mental'nostej: Istoricheskaja antropologija* [History of mentalities, historical anthropology]. Moscow, RGGU, 1996.
6. Mihina E.M. *Ot sostavitelja* [Editor's note]. In *Istorija mental'nostej: Istoricheskaja antropologija* [History of mentalities, historical anthropology]. Moscow, RGGU, 1996.
7. Raulf, Ulrich et al. *Mentalitetgeschichte: Zur Rekonstruktion geistlicher Prozesse*. Berlin, 1978.